

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ

**ДЕВЯНОСТЫЕ
ГОДЫ**

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ**

**П Т Г
1 9 1 8**

Чеховъ.

1.

Восьмидесятые годы дали русской литературѣ Чехова, девяностые — Горькаго, этихъ двухъ наиболѣе выдающихся представителей русской интеллигенціи въ области художественнаго творчества послѣдней четверти XIX-го вѣка. И снова мы присутствуемъ при подъемѣ волны индивидуализма и анти-мѣщанства, опустившейся въ эпоху мѣщанства общественнаго; и снова мы имѣемъ въ Чеховѣ и Горькомъ двухъ тѣсно связанныхъ, хотя и полярныхъ, представителей развивающейся русской общественной мысли.

Восьмидесятые годы дали русской литературѣ Чехова: эту фразу никто, конечно, не истолкуетъ въ томъ смыслѣ, что Чеховъ былъ идеологомъ эпохи общественнаго мѣщанства. Какъ разъ наоборотъ: Чеховъ былъ не идеологомъ, а сатирикомъ этой эпохи, не прямымъ, а обратнымъ ея слѣдствіемъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ многіе, однако, впадали въ такую ошибку, считая Чехова не Гоголемъ, а Гончаровымъ эпохи общественнаго мѣщанства: въ такую ошибку впалъ даже Михайловскій, въ статьѣ по поводу чеховскаго «Иванова» (см. Собр. соч.; VI, 778). Это былъ предѣлъ, его же не преидеши, непониманія основныхъ мотивовъ творчества Чехова, и Михайловскій впоследствии призналъ свою ошибку, которая была тождественна съ ошибкой Писарева въ отношеніи Пушкина: и Писаревъ, и Михайловскій смѣшали авторовъ съ героями ихъ произведеній. Писаревъ побѣдоносно уничтожилъ Пушкина, приписавъ ему мысли и чувства Евге-

нiя Онѣгина; Михайловскiй считалъ Чехова проповѣдникомъ идеаловъ мѣщанства, отождествивъ его съ восьмидесятникомъ Ивановымъ... Чеховъ — пропагандистъ этического мѣщанства! Тотъ самый Чеховъ, который съ первыхъ своихъ литературныхъ шаговъ приобрѣлъ право считаться сатирикомъ эпохи восьмидесятыхъ годовъ!

Чеховъ — сатирикъ эпохи общественнаго мѣщанства: таковымъ онъ былъ въ началѣ своей дѣятельности и даже почти вплоть до девяностыхъ годовъ. Конечно, тщетно было бы стремленiе подвести всего Чехова подъ эту этикетку, которая, какъ и всякая формула, не покрываетъ живого человѣка, а тѣмъ болѣе такого человѣка, какъ Чеховъ; но доля безспорной истины въ этомъ, несомнѣнно, есть. Да, Чеховъ былъ сатирикомъ эпохи общественнаго мѣщанства, и мелкіе юмористическіе рассказы его настолько же характеризуютъ эту эпоху, насколько и озлобленные, ядовитыя сатиры Салтыкова. И еще большой вопросъ—что тяжелѣе ложится на душу читателя: облитая оптемъ и желчью сатира Щедрина или веселенькіе пейзажики, набрасываемые легкой рукой Чехонте? Читаешь иную бездѣлушку Чехова—и смѣешься, отложишь ее въ сторону — и чувствуешь, что осталась какая-то горькая накипь на сердцѣ. И это справедливо не только относительно такихъ рассказовъ, какъ, на примѣръ, «Унтеръ Пришибеевъ», но остается вѣрнымъ почти для каждаго изъ самыхъ невинныхъ и безхитростныхъ рассказцевъ. Чеховъ не обличаетъ, не язвитъ, у него, какъ будто, не скрываются подъ видимымъ смѣхомъ невидимыя слезы, — и, тѣмъ не менѣе, если бы Пушкинъ могъ услышать вмѣсто «Мертвыхъ душъ» эти рассказы Чехова, то онъ повторилъ бы, вѣроятно, голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россiя!»...

✓ Всѣ эти юмористическіе рассказы въ двѣ-три странички имѣютъ содержанiе шире размѣровъ. Подобострастный ореолъ, окружающій искони для руссiйскаго человѣка «чинъ» («Толстый и тонкій»); подобный же ореолъ, окружающій, со временъ пришествiя чумазаго, туго набитую мошну («Маска»); ужасъ и трепетъ передъ каждымъ, кто чиномъ повыше («Смерть Чиновника»); полная забитость и приниженность руссiйскаго обывателя; тупая и

тусклая жизнь, одобряемая философией Киеы Мокіевича («Мыслитель»); безгласность и трепеть, отсутствіе «протестующаго звука», по знакомому намъ выраженію Гл. Успенскаго; а если и протестъ, то нелѣпый, жалкій, въ родѣ трехъ восклицательныхъ знаковъ коллежскаго секретаря Ефима Перекладина («Восклицательный знакъ»); система «не разсуждать—повиноваться!», неукоснительно проводимая попечительнымъ начальствомъ и согласно которой «виновные, за недостаткомъ уликъ, сидятъ пока взаперти» («Броженіе умовъ»); яркая картина добровольнаго сыска («Унтеръ Пришибеевъ»); тусклая жизнь, доводящая до желанія, «чтобы всѣмъ стало скучно и горько, и чтобы всѣ почувствовали, какъ ничтожна, плоска эта жизнь» («Мужъ»),—все это не только смѣшно, но и трагично, и поистинѣ можетъ вызвать тоскливое восклицаніе—«Боже, какъ грустна наша Россія!»

И если отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ, то отъ смѣшного до трагическаго нѣтъ и этого шага: они совмѣщены въ одно, они неразрывно сплетены другъ съ другомъ. Трагедія эта играетъ не на героическихъ подмосткахъ; въ ней нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, ни влюбныхъ «рыжихъ уродовъ», ни преступно-страстныхъ брюнетовъ, ни блещущихъ всѣми добродѣтелями блондиновъ; если иногда люди и пробуютъ гримироваться для игры въ трагедію, то подъ этимъ гримомъ видна краска стыда и чувствуются слезы (см., напр., разсказъ Чехова «Отецъ»). Нѣтъ, трагедія не въ этомъ, и она гораздо страшнѣе; трагедія эта—въ полномъ отсутствіи трагическаго, высокаго въ жизни, трагедія эта—въ страшной пошлости и мелочности людской, въ *мѣщанствѣ жизни, какъ таковой*, а не только въ мѣщанствѣ опредѣленной эпохи или опредѣленнаго класса людей... Чеховъ, какъ истинный великій художникъ, выходитъ за предѣлы своей эпохи; онъ—не только сатирикъ эпохи общественнаго мѣщанства, онъ—шире этого; для него вся жизнь сама по себѣ, жизнь, какъ таковая, есть «мѣщанская драма»—и въ этомъ весь ужасъ жизни.

Да, придя къ такому результату, нельзя было не испытать страха передъ жизнью и, такимъ образомъ, въ концѣ XIX-го вѣка прійти къ выводу діаметрально-про-

тивоположному взглядамъ наивнаго эпикуреизма конца XVIII-го столѣтія. Тогда вся жизнь была окрашена въ розовый цвѣтъ, и только одна была бѣда: «теченіе кратко нашихъ дней»; наивнаго эпикуреиста смущалъ «глаголь временъ, металла звонъ», и если бы не это постоянное *memento mori*, то жизнь была бы сплошнымъ блаженствомъ—«пей, ѣшь и веселись, сосѣдь!...» Страхъ смерти и радость жизни — вотъ основа возврѣній наивныхъ эпикуреистовъ XVIII-го вѣка; страхъ жизни и радость смерти—не это ли мы имѣемъ у Чехова? «Что же дѣлать, надо жить! — покорно склоняетъ голову передъ судьбой Соня («Дядя Ваня»): ...проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ... а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ ...мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ!...» Жизнь—тяжелое бремя, смерть — отдыхъ, вотъ заключительный аккордъ «Дяди Вани»; блаженствуютъ и «безпрерывно веселятся въ жизни сей» только одни мѣщане. Дядя Ваня, Соня, докторъ Астровъ, Елена Андреевна — лучшіе люди этой пьесы, и всѣ они несутъ жизнь, какъ тяжелый крестъ: она имъ не удалась и не могла удалась; зато блаженствуютъ на равныя манеры старый сухарь, ученая вобла—профессоръ Серебряковъ, его достойная теща, упивающаяся чтеніемъ никому ненужныхъ книжонокъ и брошюркъ, и разные мелкіе мѣщане растительной жизни, идеалы которыхъ не идутъ дальше лапши къ обѣду.

II.

Такъ ли это? Дѣйствительно ли Чеховъ пессимистъ?—къ этому мы еще вернемся. Теперь мы только хотѣли отмѣтить весь трагизмъ смѣхотворныхъ рассказиковъ Чехова, трагизмъ, состоящій въ раскрытіи всей пошлости, всего ужаса жизни самой по себѣ, жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. И этотъ страхъ передъ мѣщанствомъ жизни тѣсно связанъ съ мѣщанствомъ самой эпохи, онъ коренится въ ней; только въ эпоху общественнаго мѣщанства,—мѣщанства, охватившаго сверху до низу почти все «культурное» общество,—могъ зародиться паническій

ужась передъ мѣщанствомъ. За полвѣка до Чехова Лермонтовъ приблизительно тѣми же глазами смотрѣлъ на жизнь; разница въ томъ, что вмѣсто страха жизни онъ испытывалъ равнодушіе къ жизни, къ этой «пустой и глупой шуткѣ». Наивно, конечно, было бы объяснять лермонтовскую тоску по идеалѣ исключительно его недовольствомъ формами жизни эпохи официального мѣщанства, но трудно не допустить этой причины, какъ одной изъ равнодѣйствующихъ въ созданіи міровозврѣнія Лермонтова. То же самое буквально можно повторить и о Чеховѣ: эпоха общественнаго мѣщанства, несомѣнно, оказала вліяніе на выработку его отношенія къ жизни, какъ къ мѣщанству по существу. Мыслимы ли Лермонтовъ и Чеховъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ? Оба они — дѣти своего времени, но оба они глубже и шире своей эпохи. Подобно Толстому и Достоевскому, оба они выходятъ за предѣлы своей эпохи; отъ мѣщанства восьмидесятыхъ годовъ Чеховъ переходитъ къ мѣщанству жизни вообще.

Возьмемъ, напримѣръ, чеховскаго «Иванова» (драма эта написана въ 1886 г.). Передъ нами типичнѣйшій промежуточный человѣкъ, восьмидесятникъ. Правда, онъ когда-то, во дни оны, волновался, горячился, жилъ во всю, сражался съ мельницами, бился лбомъ о стѣны, «любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ»... Но все это прошло да и былшемъ поросло; въ самой драмѣ Ивановъ — уже «утомленный, разочарованный, раздвленный своими ничтожными подвигами человѣкъ» (это его собственные слова). Неужели его «среда заѣла»? Самъ Ивановъ считаетъ такое объясненіе глупымъ и старымъ, однако, докторъ Астровъ только этимъ можетъ объяснить гибель своей жизни и жизни дяди Вани: «жизнь обывательская, жизнь презрѣнная затанула насъ; она своими гнилыми испареніями отравила нашу кровь, и мы стали такими же пошляками, какъ всѣ».

Какъ бы то ни было, но Ивановъ сталъ такимъ же пошлякомъ, какъ и всѣ. Онъ теперь такъ же, какъ и любой восьмидесятникъ, любитъ говорить страшныя и жалкія слова, заниматься самооплеваніемъ; откровенно самъ онъ сознается, что ничѣмъ онъ не замѣчательнъ. Но въ этомъ еще съ пользой: не всѣмъ же быть за-

мѣчательными; бѣда въ томъ, что Ивановъ по уши погружъ въ самой плоской философіи мѣщанства, характерной для восьмидесятихъ годовъ. «...Выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло»... Эта философія Иванова намъ хорошо знакома; все тѣ же основные мотивы эпохи общественного мѣщанства—теорія малыхъ дѣлъ, постепенство, шаблонъ и проч., и проч., и проч. Ужа одна эта тирада дѣлаетъ изъ Иванова типичнаго представителя восьмидесятихъ годовъ. И, кромѣ него, мы найдемъ у Чехова немало восьмидесятниковъ различныхъ оттѣнковъ.

Вотъ мѣщанство обывательской жизни восьмидесятниковъ—«Іонычъ», вотъ Андрей (изъ «Трехъ сестеръ»), вотъ сухой и черствый восьмидесятникъ Павелъ Андреевичъ, у котораго «душа не настоящая» («Жена»),—впрочемъ, у кого же изъ восьмидесятниковъ она настоящая? вѣдь, у всѣхъ у нихъ—«сердце неправильное» (Гл. Успенскій). Вотъ ученая вобла, мѣщанинъ во профессорствѣ Серебряковъ (изъ «Дяди Вани»), воплощенная пошлость и серединность, съ обычнымъ знаменемъ восьмидесятниковъ въ рукахъ: «надо, господа, дѣло дѣлать! надо дѣло дѣлать!» Затѣмъ передъ нами проходитъ архитекторъ Полозневъ, подъ руку съ забитой имъ дочерью: «взгляни, — говоритъ онъ, — взгляни на небо! Звѣзды, даже самыя маленькія—все это міры! Какъ ничтоженъ человекъ въ сравненіи со вселенной!» «И говорилъ онъ это такимъ тономъ, какъ будто ему было чрезвычайно лестно и пріятно, что онъ такъ ничтоженъ» («Моя жизнь»). Все это—въ большей или меньшей степени «восьмидесятники», и представителей этой породы мы могли бы еще найти у Чехова немало; но и тогда мы не подвинулись бы ни на одинъ шагъ въ пониманіи Чехова.

Мѣщанство всегда было ненавистно Чехову, какія бы красивыя формы оно ни принимало, какъ бы ни подку-

пало мягкостью своего содержания. Въ высокой степени характерно, напимѣрь, его отрицательное отношеніе къ Гончарову, котораго онъ находилъ устарѣлымъ, безталаннымъ и скучнымъ писателемъ (см. «Воспоминанія о Чеховѣ» С. Елпатьевскаго): въ этомъ вполне ясно сказалась ненависть его, быть можетъ, полубессознательная, къ самодовольному и плоскому мѣщанству. Въ своихъ первыхъ рассказахъ Чеховъ довольствовался высмѣиваніемъ этой плоскости и пошлости окружающей жизни; но въ нихъ начинающій писатель еще не нашелъ своей настоящей дороги ¹⁾. Мы видѣли, однако, что и въ этихъ мелкихъ рассказахъ звучать уже трагическія ноты, звучать все сильнѣе и сильнѣе, заглушая, наконецъ, юмористическія темки: Чеховъ отражалъ въ своихъ рассказахъ мѣщанство окружающей его жизни и мѣщанство эпохи, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ужасало его мѣщанство самой жизни, жизни самой по себѣ. Перечтите такіе его рассказы, — одни изъ первыхъ, — какъ «Знакомый мужчина», «Мужъ», «Приданое», «Анюта» и т. п.; послѣ нихъ на душѣ остается горькій осадокъ сознанія ужаса самой жизни. Мѣщанство въ самой жизни, не только въ формахъ, но и въ содержаніи ея, — вотъ основная мысль Чехова этого періода, продолжавшагося въ теченіе всей эпохи общественнаго мѣщанства, до начала девяностыхъ годовъ, приблизительно до рассказовъ «Рассказъ неизвѣстнаго человѣка», «Палата № 6» (1892—1893 гг.). Такимъ образомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ Чеховъ былъ безпросвѣтнымъ пессимистомъ, причемъ пессимизмъ этотъ лежалъ не въ настроеніи, а гораздо глубже — въ мировоззрѣніи. Вся жизнь — безысходный *circulus vitiosus* мѣщанства: развѣ это не безпросвѣтно-пессимистическое воззрѣніе?

¹⁾ Не потому ли, вопреки общепринятому мнѣнію о неистощимости юмористической фантазіи Чехова, многіе его рассказы носятъ полужанровый характеръ? Чтобы не быть голословнымъ, укажу, напимѣрь, на вліяніе Салтыкова: рассказъ «Сирена», несомнѣнно, наводитъ на салтыковскіе «Привѣтомъ», повидѣніи рассказъ «Душечка» родствененъ салтыковской «Кушнѣ Машеньки» изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Въ «Запискахъ взыскчиваго человѣка» Чеховъ заимствуетъ одинъ изъ комическихъ приемовъ даже отъ ненавидимаго имъ Гончарова въ его «Обыкновенной исторіи» и ии. др.

III.

Мы считаемъ излишнимъ подробно останавливаться на развитіи или подтвержденіи этого положенія: почти всѣ рассказы Чехова, написанные послѣ 1885—1886 гг., могутъ служить доказательствомъ грустнаго и безнадежнаго взгляда Чехова на жизнь, мѣщанскую въ самомъ корнѣ. И вотъ что особенно характерно для этого абсолютнаго пессимизма: Чеховъ не видѣлъ въ эту эпоху ни въ чемъ никакого выхода; символическій характеръ пріобрѣтаетъ поэтому та сценка, которой оканчивается «Скучная Исторія». Николай Степановичъ, старый профессоръ—несомнѣнно, талантливый человѣкъ, стоящій многимъ выше толпы, самъ съ ужасомъ уразумѣвшій мѣщанство окружающей его жизни; но что же отвѣчаетъ онъ Катѣ, которая также задыхается въ жизни и требуетъ отвѣта на вопросъ—«что дѣлать?». «Что же я могу сказать?—недоумѣваетъ Николай Степановичъ:—ничего я не могу... По совѣсти, Катя: не знаю». И, растерянный, тронутый ея рыданіями, онъ прибавляетъ: «давай, Катя, завтракать». Вотъ единственный отвѣтъ... но и онъ, кажется, не рѣшаетъ вопроса.

Итакъ, нѣтъ выхода изъ заколдованнаго круга мѣщанства жизни... Хорошо, пусть такъ, по мнѣнію Николая Степановича, но отвѣтствененъ ли за него Чеховъ? Вѣдь, Николай Степановичъ, по собственному признанію, вполне лишенъ всякой объемлющей жизни «общей идеи», того, что самъ же онъ называетъ «богомъ живого человѣка»; удивительно ли, что на вопросъ «что дѣлать?» онъ можетъ только вполне искренно отвѣтить: «по совѣсти: не знаю»... Таковъ ли отвѣтъ самого Чехова?

Да, именно таковъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ у Чехова именно не было «общей идеи», не было того бога, который позволялъ бы ему на вопросъ «что дѣлать?» дать прямой, болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ. Общая идея у него, пожалуй, была, но она носила чисто отрицательный характеръ: мы видѣли, что это была идея мѣщанства жизни, какъ таковой; но, вѣдь, въ этой идеѣ именно и лежалъ узелъ вопроса «что дѣлать?», такъ что извлечь отсюда же и отвѣтъ на вопросъ было бы не-

разрѣшимой задачей. Отсюда происходила та пресловутая «объективность» Чехова, которой часто любили попрекать его даже такіе чуткіе критики, какъ Михайловскій. Въ настоящее время намъ хорошо видно, что за объективностью Чехова скрывалась глубокая, трагическая идея: во всемъ, рѣшительно во всемъ видѣлъ онъ страшное мѣщанство жизни—и не находилъ выхода (см. особенно разсказъ «Страхъ», 1892 г.). Такая безконечная глубина отрицанія и не мерещилась тѣмъ изъ его критиковъ, которые упрекали его за отсутствіе цѣлей и идеаловъ, а потому и смѣшивали его съ промежуточными людьми восьмидесятыхъ годовъ.

Но если это такъ, если вся жизнь есть безпросвѣтное, тягучее мѣщанство, то, Боже мой, что это за «скучная исторія» жизнь! Скучная—и страшная, страшная и скучная въ своей плоскости и ничтожествѣ... Когда-то Райскій, созданіе пера апологета мѣщанства, Гончарова, задался мыслью «писать скуку». «Вѣдь, жизнь многосторонняя и многообразная,—разсуждалъ онъ,—и если и эта широкая и голая, какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежатъ въ природѣ безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни» («Обрывъ», ч. II, гл. XVI). Скука, голая и широкая, какъ степь, представляющая одну изъ сторонъ жизни.., но у Чехова эта степь разлилась по всему земному шару. «Степь»—такъ озаглавленъ одинъ изъ первыхъ крупныхъ разсказовъ Чехова (1886 г.), и въ этомъ разсказѣ чувствуется не только жизнь степи, но и степь жизни, дыханіе скуки, безбрежной и широкой, какъ эта степь. И нѣтъ спасенія отъ этой скуки, этой тоски, вѣчной спутницы заповолившаго всю жизнь мѣщанства.

Въ широкой украинской степи, въ кабинетѣ всемірно извѣстнаго стараго профессора, на фабрикѣ Ляликовыхъ («Случай изъ практики»), въ губернскомъ городѣ, гдѣ живетъ архитекторъ Полозневъ («Моя жизнь») — вездѣ тоска, вездѣ скука, вездѣ ужасъ тусклой самой по себѣ жизни. «Зачѣмъ же эта ваша жизнь,—спрашиваетъ архитектора его сынъ,—зачѣмъ она такъ скучна, такъ бездарна, зачѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ домовъ, которые

вы строите вотъ уже тридцать лѣтъ, нѣтъ людей, у которыхъ я могъ бы поучиться, какъ жить?...» «Городъ нашъ существуетъ уже сотни лѣтъ,—продолжаетъ онъ дальше,—и за все время онъ не далъ родинѣ ни одного полезнаго человѣка—ни одного! Вы душили въ зародышѣ все маломальски живое и яркое! Городъ лавочниковъ, трактирщиковъ, канцеляристовъ, ханжей, ненужный, бесполезный городъ, о которомъ бы не пожалѣла ни одна душа, если бы онъ вдругъ провалился сквозь землю» («Моя жизнь»). И такихъ городовъ столько же, сколько существуетъ городовъ въ Россіи,—если ужъ нужно ограничиться Россіей...

Не случайная эта мысль: у Чехова она повторяется сплошь да рядомъ, даже въ его самыхъ послѣднихъ разсказахъ (см., напр., «Крыжовникъ»). Въ «Трехъ сестрахъ» Андрей говоритъ почти буквально тѣми же словами: «городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного, который не былъ бы похожъ на другихъ... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... рождаются другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ и, чтобы не оступѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами»... Вотъ и отвѣтъ на вопросъ того же Андрея: «отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнны, равнодушны, бесполезны, несчастны?...» Именно оттого, что нѣтъ выхода изъ болота мѣщанства, оно затягиваетъ, оно широко, какъ степь, отъ него некуда скрыться, оно залило собою весь міръ... Три сестры стонутъ на разные лады: «въ Москву! въ Москву! въ Москву!»—пусть предаются самоублаженію и иллюзіи! никакое разстояніе не спасетъ ихъ отъ мѣщанства, во власти котораго вся жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Единственное, что остается среднему человѣку,—это сойти съ ума и въ припадкѣ мании величія почувствовать себя веселымъ, счастливымъ и оригинальнымъ, вырвавшимся изъ сѣтей мѣщанства («Черный монахъ»).

IV.

Съ такими и только такими взглядами жить нельзя. Въ философій абсолютный скептицизмъ является самоубій-

ственнымъ возвращеніемъ, ибо въ концѣ концовъ приходитъ къ заключеніямъ, разлагающимъ самую мысль и самое сознаніе на неуловимые элементы, почему и самый ходъ мысли абсолютнаго скептика является миражемъ. Въ жизни абсолютный пессимизмъ приводитъ къ такимъ же самоубійственнымъ результатамъ, если не прибѣгнуть къ различнымъ уловкамъ: разграниченію пессимизма настроенія отъ пессимизма возвращенія и т. п.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Чеховъ искалъ спасенія отъ своего абсолютнаго пессимизма въ толстовствѣ. Отрицаніе Толстымъ и формы и содержанія культуры какъ нельзя болѣе приближаясь ко взглядамъ Чехова о мѣщанствѣ жизни по существу, не только формы ея, но и содержанія, и въ разсказахъ Чехова періода приблизительно 1886—1892 гг. мы часто встрѣтимъ прорывающіяся нотки толстовства. «...Я презираю ваши книги, презираю всѣ блага міра и мудрость. Все ничтожно, бренно, призрачно и обманчиво, какъ миражъ. Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотретъ васъ съ лица земли наравнѣ съ подпольными мышами, а потомство ваше, исторія, безсмертіе вашихъ гениевъ замерзнутъ или сгорятъ вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ. Вы обезумѣли и идете не по той дорогѣ. Ложь принимаете вы за правду и безобразіе за красоту» («Пари»). И несомнѣнно, что за узникомъ-юристомъ, обращающимся съ такимъ монологомъ къ человѣчеству, отчасти стоитъ и самъ Чеховъ. Во многихъ послѣдующихъ разсказахъ Чехова мы могли бы указать не менѣе очевидные слѣды вліянія толстовства («Княгиня», «Скучная исторія», «Припадокъ» и др.); во всѣхъ нихъ характерно, однако, то, что изъ толстовства Чеховъ воспринималъ только его отрицательную, разрушающую сторону, и вполне безразлично относился къ сторонѣ положительной.

Такимъ образомъ, и толстовство не указало Чехову выхода изъ тупика абсолютнаго пессимизма, и кончилось тѣмъ, что онъ рѣзко осудилъ толстовство. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящемся къ 1894 г., Чеховъ такъ отзывался объ этомъ своемъ увлеченіи: «...толстовская философія сильно трогала меня, владела мной лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя

мнѣ были извѣстны раньше, а толстовская манера выражаться, — разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода; теперь же во мнѣ что-то протестуетъ... Свой протестъ онъ выразилъ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ — «Палата № 6», «Хорошіе люди», «Моя жизнь» и др. (1892—1895 гг.), и съ этого протеста начинается переломъ въ абсолютномъ пессимизмѣ Чехова; критика толстовства дала ему возможность найти теоретическій выходъ изъ заколдованнаго круга мѣщанства жизни самой по себѣ. Чеховъ «увѣровалъ въ прогрессъ», по его собственнымъ словамъ (изъ того же письма 1894 г.). Мы еще увидимъ, насколько эта вѣра могла исполнить Чехова...

Самосовершенствованіе, этотъ идолъ толстовства и, вообще, эпохи восьмидесятыхъ годовъ, теперь утратилъ для Чехова всякое обаяніе; раздѣленіе свободы на внутреннюю и внѣшнюю кажется теперь ему профанаціей священнаго слова. Онъ иронизируетъ надъ «совершенствомъ» и самоувѣренностью толстовца, который «наѣлся огурцовъ и хлѣба и думаетъ, что отъ этого сталъ совершеннѣе» («Печенѣгъ»), онъ изображаетъ трагическую коллизію свободы внутренней съ несвободой внѣшней («Палата № 6»), наконецъ, онъ требуетъ широты и всеобъемлемости жизни («Крыжовникъ»).

Въ «Палатѣ № 6» докторъ Рагинъ — безсознательный толстовецъ и, во всякомъ случаѣ, типичный восьмидесятникъ по своимъ воззрѣніямъ на внутреннюю и внѣшнюю свободу. «Между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этою палатой нѣтъ никакой разницы, — разсуждаетъ Рагинъ: — покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ... Обыкновенный человѣкъ ждетъ хорошаго или дурного извѣстія, то есть отъ коляски и кабинета, а мыслящій — отъ самого себя... Если вы почаще будете вдумываться, то вы поймете, какъ ничтожно все то внѣшнее, что волнуетъ насъ. Нужно стремиться къ уразумѣнію жизни, а въ немъ — истинное благо»... Старая пѣсня, хорошо намъ знакомая! И что могъ бы на нее отвѣтить Чеховъ въ періодъ своего абсолютнаго пессимизма? Но теперь, въ періодъ пробужденія отъ толстовства, онъ находитъ рѣзкія слова для осужденія этой дряблой, внѣжизненной морали. «...Суета суетъ, внѣшнее и внутрен-

нее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо—все это философія, самая подходящая для російскаго лежебока»... Такъ отвѣчаетъ доктору Рагину душевнобольной Громовъ, — и удивляться ли, что именно ему поручилъ Чеховъ высказать, очевидно, и свое собственное мнѣніе? Вѣдь, мы уже видѣли, что среди всеобщаго мѣщанства, плоскости и убожества мысли душевная болѣзнь часто сопровождается оригинальными взглядами, интересными воззрѣніями («Черный монахъ»); къ тому же здѣсь Чеховъ только въ первый разъ рискуетъ высказать свои положительныя мысли. «Уразумѣніе... внѣшнее, внутреннее... Извините, я этого не понимаю. Я знаю только, — продолжаетъ высказывать мысли Чехова Громовъ, — я знаю, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость — негодованіемъ, на мерзость — отвращеніемъ. По-моему, это собственно и называется жизнью»... Понявъ жизнь такимъ образомъ, трудно было остаться при исповѣдуемомъ до того времени абсолютномъ пессимизмѣ; а что Чеховъ понималъ это именно такъ, — достаточно ясно показываютъ, кромѣ рѣчей Громова, послѣднія страницы разсказа, судьба доктора Рагина... Во всякомъ случаѣ, здѣсь передъ нами — рѣзкое осужденіе философіи пассивнаго самосовершенствованія, этой главной спутницы общественнаго мѣщанства.

Но въ затронутомъ нами разсказѣ есть, кромѣ того, мимолетное выраженіе и другой, воистину центральной мысли Чехова, — и пусть насъ не шокируетъ, что она также вложена въ уста сумасшедшаго Громова. «...Настанутъ лучшія времена! — восклицаетъ онъ: — ...возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда, и — на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Я не дожусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Привѣтствую ихъ отъ всей души и радуюсь, радуюсь за нихъ! Впередъ! Помогай вамъ Богъ, друзья!» Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ спасительная мысль Чехова: онъ «увѣровалъ въ прогрессъ», и вѣра эта временно спасла его отъ абсолютнаго пессимизма, отъ ужаса передъ сплошнымъ мѣщанствомъ жизни.

Нетрудно доказать, что такова вѣра именно самого Чехова, а отнюдь не только дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ и драмъ. Вѣра эта высказывается Чеховымъ постоянно, онъ влагаетъ ее въ уста безконечнаго множества созданныхъ имъ лицъ, варьируетъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ, и — это особенно интересно — въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ высказываетъ ее съ особенною пастойчивостью, особенно въ «Дядѣ Ванѣ», «Трехъ сестрахъ» и «Вишневомъ саду».

V.

Чехова спасала вѣра въ то, что будетъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ. Черезъ двѣсти-триста лѣтъ все мѣщанство жизни будетъ сметено съ лица земли, засіяетъ заря новой жизни — красивой, справедливой, счастливой. Въ этой грядущей эпохѣ золотого вѣка не помянутъ добромъ нашу жалкую мѣщанскую жизнь... «Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и которые будутъ презирать насъ за то, что мы прожили свои жизни такъ глупо и такъ безвкусно, — тѣ, быть можетъ, найдутъ средство, какъ быть счастливыми?...» Это говоритъ докторъ Астровъ, и говоритъ еще въ нѣсколько нерѣшительномъ тонѣ, но все-таки онъ работаетъ для этого счастливаго будущаго, его утѣшаетъ сознаніе, что «если черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноваты и я»... Одно это сознаніе даетъ ему силы для работы. «Тѣ, которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянутъ ли насъ добрымъ словомъ? Нянька, вѣдь, не помянутъ!» — съ горечью восклицаетъ онъ, но на отвѣтъ няньки — «люди не помянутъ, зато Богъ помянетъ» — удовлетворенно говорить: «вотъ спасибо! Хорошо ты сказала!» Другими словами: не въ томъ дѣло, будемъ ли мы жить въ потомствѣ, а въ томъ, что работа наша поведетъ къ счастію этого далекаго потомства.

Въ «Трехъ сестрахъ» эти мысли получаютъ дальнѣйшее развитіе. Вершининъ и Тузенбахъ повторяютъ идею о красотѣ жизни будущаго, каждый со своей точки зрѣ-

нія, съ теоретической и практической. «Жизнь тяжела, — философствует Вершининъ: — она представляется многимъ изъ насъ глухой и безнадёжной, но все же, надо сознаться, она становится все яснѣе и легче, и, повидимому, недалеко то время, когда она станетъ совсѣмъ свѣтлой». Мы убѣдимся впоследствии, что это почти буквально слова самого Чехова, это — его мысли, а пока продолжимъ знакомство съ развитіемъ этихъ мыслей Вершининымъ. «...Какая разница между тѣмъ, что есть, и что было! — восклицаетъ онъ: — а пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь также будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой... О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизни!...» И, подобно Астрову, онъ находитъ весь смыслъ жизни въ работѣ для будущихъ поколѣній: «черезъ двѣсти, триста, наконецъ, тысячу лѣтъ — дѣло не въ срокъ — настанетъ новая счастливая жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы творимъ ее — и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье».

Тузенбахъ дополняетъ мысли Вершинина своимъ призывомъ къ работѣ, къ работѣ во что бы ни стало; для него работа, трудъ — нѣчто какъ бы наркотическое, позволяющее забыться отъ угнетающаго ужаса жизни. «Черезъ двѣсти-триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ почувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней...» — повторяетъ въ тысячный разъ свою излюбленную мысль Вершининъ; вотъ отвѣтъ Тузенбаха: черезъ много лѣтъ, вы говорите, жизнь на землѣ будетъ прекрасной, изумительной. Это правда. Но, чтобы участвовать въ ней теперь хотя издали, нужно приготовляться къ ней, нужно работать...» «Буду работать... — повторяетъ онъ: — хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы прійти вечеромъ домой, въ утомленіи повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же...» Буду работать, буду работать... — это лейтмотивъ его воззрѣній на жизнь (отчасти это повторяетъ вмѣстѣ съ нимъ и Ирина); однако, ясно видно,

что для него работа не средство для завоеванія счастья грядущихъ поколѣній, а цѣль, спасающая его отъ жизни.

Что все это—мысли самого Чехова, достаточно ясно уже изъ одного того, что въ «Трехъ сестрахъ», кромѣ Вершинина и Тузенбаха, ихъ повторяютъ и Андрей, и Ольга. Правда, пьеса кончается пессимистическимъ аккордомъ; остается такое впечатлѣнїе, будто Чеховъ упорно и на всѣ лады твердитъ о неизмѣримо прекрасной, изумительной грядущей жизни для того, чтобы, подобно Тузенбаху, наркотизировать себя отъ томящаго и угнетающаго душу мѣщанства современности, ни въ чемъ не находя спасенія отъ реальной дѣйствительности. Остается только возложить всѣ надежды на будущее—такимъ призывомъ оканчиваются и «Дядя Ваня», и «Три сестры». «Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ!...»—такими словами Сони оканчивается «Дядя Ваня»—словами надежды на будущій золотой вѣкъ, если не на землѣ, то на небѣ. «...Страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь...»—такимъ аккордомъ заключаются «Три сестры»,—аккордомъ надежды на грядущій рай на землѣ. И все-таки настроеніе и тутъ и тамъ получается одинаково тяжелое,—тяжелое отъ сознанія невозможности устроить жизнь не въ мірѣ трансцендентнаго и не черезъ сотни лѣтъ на землѣ, а теперь, немедленно, для живыхъ человѣческихъ личностей...

VI.

Дѣйствительно ли, однако, Чехову принадлежитъ эта мысль о грядущемъ золотомъ вѣкѣ на землѣ, которымъ долженъ закончиться прогрессъ? Не навязываемъ ли мы ему насильно разсужденія разныхъ Вершининыхъ и Астровыхъ, разсужденія, отнюдь не раздѣляемые самимъ авторомъ? Нѣтъ, это—дѣйствительно мысль самого Чехова. За такое толкованіе говоритъ уже одно то упорство, съ какимъ Чеховъ повторяетъ эту мысль устами разнород-

ныхъ, разнообразныхъ дѣйствующихъ лицъ; но у насъ есть и болѣе вѣскія доказательства.

Въ цитированномъ уже нами письмѣ Чехова, періода его разрыва съ толстовствомъ (1894 г.), онъ категорически заявляетъ: «я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда меня перестали драть, была страшная...» Его утопія золотого вѣка на землѣ есть лишь крайняя форма проявленія вѣры въ прогрессъ; его вѣра въ будущее, благодаря сравненію прошлаго съ настоящимъ, выраженная въ только-что приведенной фразѣ, почти буквально вкладывается имъ въ Вершинина («...Какая разница между тѣмъ, что есть, и что было!» и т. д.). Въ интересныхъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ г. Куприна мы находимъ строки, вполне подтверждающія все сказанное выше. «Какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ!»—такъ мечталъ самъ Чеховъ, ухаживая за цвѣтами и деревьями въ своемъ ялтинскомъ садикѣ. «Вѣдь, здѣсь до меня былъ пустырь (часто говорилъ Чеховъ, глядя на свой садъ,) и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли—прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры—знаете ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна»...

Это—слова самого Чехова. Онъ горячо вѣрилъ въ красоту, широту и гармонію человѣческой жизни, онъ вѣрилъ, что жизнь *должна* быть именно такой; что человѣческій геній путемъ усиленной работы расчистить почву для счастливой жизни всего человѣчества. Естественно, что, «увѣровавъ въ прогрессъ», Чеховъ разорвалъ съ толстовствомъ, отрицающимъ не только формы современной культуры, но и форму и содержаніе культуры вообще; по его мнѣнію, прогрессъ дастъ, наконецъ, изстрадавшемуся человѣчеству возможность вздохнуть спокойно. «Разсчетливость и справедливость говорятъ мнѣ,—писалъ Чеховъ еще въ томъ же письмѣ 1894 г.,—что нѣ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше,

чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса». И впоследствии, по воспоминаніямъ г. Куприна, Чеховъ всегда съ удовольствіемъ и съ интересомъ относился ко всякому новому изобрѣтенію въ области техники, — онъ вѣрилъ, что всякое усовершенствованіе есть шагъ впередъ къ грядущему золотому вѣку человѣчества. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ. «Онъ съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ о томъ, что преступленія, въ родѣ убійства, воровства и прелюбодѣнія, становятся все рѣже, почти исчезаютъ въ настоящемъ интеллигентномъ обществѣ, въ средѣ учителей, докторовъ и писателей. Онъ вѣрилъ въ то, что грядущая истинная культура облагородитъ человѣчество» (А. Купринъ, «Памяти Чехова»).

Чеховъ вѣрилъ, или, по крайней мѣрѣ, пытался вѣрить. Это спасло его отъ отчаянія, отъ безпросвѣтнаго, абсолютнаго пессимизма. Широту и красочность жизни онъ всегда любилъ, любилъ самую жизнь, — и это проявлялось даже въ рассказахъ періода его толстовства и абсолютнаго пессимизма. Въ небольшомъ рассказикѣ «Въ ссылкѣ» (1890 г.) онъ противопоставляетъ аскетически довольнаго всѣмъ «семикаторжнаго» Семена — безконечно несчастному вслѣдствіе ударовъ судьбы, но не смирившемуся «барину», Василию Сергѣевичу. Философія Семена, которому «ничего не надо», который «довелъ себя до такой точки», что можетъ голый на землѣ спать и траву жрать, — не можетъ быть симпатична Чехову, и, быть можетъ, уже именно въ этомъ рассказѣ впервые сказался протестъ Чехова противъ толстовства; очевидно, что авторъ стоитъ за спиной ссыльнаго татарина, который съ ненавистью и отвращеніемъ возражаетъ Семену: «баринъ — хорошая душа, отличный, а ты — звѣрь, ты — худо! Баринъ — живой, а ты — дохлый... Богъ создалъ человѣка, чтобы живой былъ, чтобы и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значить, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего, и тебѣ ничего»...

Въ позднѣйшихъ рассказахъ Чехова эта нота звучитъ все сильнѣе и опредѣленнѣе, къ жизни предъявляются все большія и большія требованія. «...Какъ хотѣлось жить! — восклицаетъ авторъ «Разказа неинвѣстнаго человѣка» (18 г.): — я готовъ былъ обнять и вѣстить въ свою

короткую жизнь все, доступное человеку. Мне хотѣлось и говорить, и читать, и стучать молотомъ гдѣ-нибудь въ большомъ заводѣ, и стоять на вахтѣ и пахать... И въ ожиданіи своей близкой смерти «неизвѣстный человекъ» упивается жизнью (быть можетъ, и самъ Чеховъ полюбилъ и оцѣнилъ жизнь только тогда, когда заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнію, въ 1890—1891 гг.). «Мнѣ страшно хочется жить,—признается онъ,—хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ жить! Солнце не восходить два раза въ день и жизнь дается не дважды»...

Въ безконечно грустномъ разсказѣ «Три года» (1894 г.)—одномъ изъ лучшихъ разсказовъ Чехова—буквально то же самое повторяетъ Ярцевъ, и устами его, несомнѣнно, говоритъ самъ Чеховъ. «...Какъ богата разнообразная русская жизнь, ахъ, какъ богата!—воскликаетъ онъ:—знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы дожить, самому участвовать». («Послушайте, а знаете что? Въдь, въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція»—такова была, по свидѣтельству г. Куприна, обычная, излюбленная фраза Чехова; «даже и здѣсь звучалъ у него тотъ же мотивъ о радостномъ будущемъ, ждущемъ человечество, который отозвался во всѣхъ его произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ»,—замѣчаетъ по этому поводу авторъ воспоминаній). «Я вовсе не хочу,—продолжаетъ Ярцевъ,—чтобы изъ меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создалъ великое, а мнѣ просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать»...

Въ «Крыжовникѣ» эта же мысль выражена со значительной силой, вмѣстѣ съ окончательнымъ и безповоротнымъ осужденіемъ толстовства. «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но, въдь, три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорятъ также теперь, что если наша интеллигенція имѣетъ тяготѣніе къ землѣ и стремится въ усадьбы, то это хорошо. Но, въдь, эти усадьбы—тѣ же три аршина земли. Уходить изъ города отъ борьбы, отъ житейскаго шума, уходить и прятаться у себя въ усадьбѣ—это не жизнь, это эгоизмъ, лѣнь, это своего рода монашество, но монашество безъ

✓ подвига. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободного духа»...

VII.

✓ Итакъ, казалось бы, все обстоитъ благополучно. Чеховъ «увѣровалъ въ прогрессъ» и тѣмъ самымъ отъ абсолютнаго пессимизма перешелъ къ абсолютному оптимизму; теперь мы уже не встрѣтимъ, надо думать, въ его произведеніяхъ тоскливыхъ аккордовъ, удручающихъ душу картинъ мѣщанства жизни, самой по себѣ, гнетущей философіи потрясеннаго мѣщанствомъ жизни человѣка... И, однако,—странное дѣло!—именно теперь въ періодъ вѣры Чехова въ прогрессъ, мы слышимъ отъ него наиболѣе угнетающія признанія, мы видимъ такія безотрадные картины, какъ «Дядя Ваня» и «Три сестры». Иногда Чеховъ пытается подбодриться, убѣдить себя, что мѣщанство жизни уже отмираетъ, что уже идутъ побѣдители его, въ родѣ Ани и «облѣзлаго барина», студента Трофимова («Вышневы садъ»); эти побѣдители in spe надѣются «обойти то мелкое и призрачное, что мѣшаетъ быть свободнымъ и счастливымъ,—вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали! Впередъ! не отставай, друзья!» «О, если бы поскорѣ наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза своей судьбѣ, сознавать себя правымъ, быть веселымъ, свободнымъ! А такая жизнь рано или поздно настанетъ!»—воскликаетъ героиня послѣдняго изъ чеховскихъ разсказовъ («Невѣста»). Но все это — плохое утѣшеніе.

Какъ ни старался Чеховъ спастись своею «вѣрою въ прогрессъ», но онъ не могъ не чувствовать, что центръ тяжести лежитъ въ достиженіи цѣли *теперь, немедленно же*, а не *когда-нибудь*, а не «черезъ двѣсти-триста лѣтъ». Чеховская вѣра въ прогрессъ была знакомой уже намъ «шигалевщиной во времени», была глубокимъ *этическимъ анти-индивидуализмомъ*, и въ то же самое время Че-

ховъ чувствовалъ истинность принципа самоцѣльности человеческой личности. Это глубокое внутреннее противорѣчіе и было причиной того, что въра въ прогрессъ не спасла Чехова отъ пессимизма и не позволила успокоиться на плоской позитивной теоріи прогресса, съ которой такъ боролся Герценъ, еще болѣе его — Достоевскій.

У Лермонтова мы видѣли глубокое раздвоеніе между реалистическими воззрѣніями и романтическими настроеніями; у Чехова мы видимъ не менѣе глубокое раздвоеніе между анти-индивидуалистическимъ воззрѣніемъ и индивидуалистическимъ настроеніемъ: первое было насильственно привито, второе было глубоко врождено. Это раздвоеніе отразилось на всемъ творествѣ Чехова послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни.

Съ одной стороны — это эпоха исповѣданія и проповѣди «шигалевщины во времени», эпоха нарумяненного и раскрашеннаго абсолютнаго оптимизма: «черезъ триста-четыре-реста лѣтъ вся земли обратится въ цвѣтушій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна»... «О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!» А такъ какъ теперь достигнуть такой жизни нельзя, то надо утѣшаться мыслью о будущемъ блаженствѣ и, не покладая рукъ, работать, на благо грядущимъ поколѣніямъ, для устройства изъ всей земли цвѣтушаго сада. И если въ настоящемъ — одно сплошное мѣщанство, съ рѣдкими проблесками изъ свѣтлой, лучшей дали, то будемте, по крайней мѣрѣ, работать, не покладая рукъ, на пользу этого счастливаго будущаго. Съ этимъ призывомъ къ работѣ, — а призывъ этотъ встрѣчается у Чехова всегда параллельно предвидѣнію лучшаго грядущаго, — вполне естественно соединяется забота о будущихъ поколѣніяхъ, а люди нашего времени невольнo играютъ роль «жертвы вечерней», во славу будущей зари. Мы работаемъ, мы страдаемъ, — но изъ этого страданія и работы вырастаетъ счастье тѣхъ, которые будутъ жить послѣ насъ, тѣхъ, которые, быть можетъ, будутъ презирать насъ за безвкусную, нелѣпую, мѣщанскую нашу жизнь, а, быть можетъ, и помянутъ насъ добрымъ словомъ... А впрочемъ — «люди не помянутъ, зато Богъ помянетъ»: наши труды не пропадутъ. Будемъ

же трудиться, памятуя, что мы—только средство для счастья будущих поколѣній...

Мы видѣли, что именно таковы взгляды Чехова. Мы видѣли также, что большинство дѣйствующихъ лицъ его пьесъ и разсказовъ именно такъ смотрятъ на трудъ, на работу. Если Тузенбахъ безпомощно твердитъ: «буду работать! буду работать!», считая трудъ цѣлью, какимъ-то запоемъ отъ ужаса пошлости жизни, то другіе—и такихъ большинство—считаютъ работу только средствомъ для достиженія всемірной гармоніи. Выше мы познакомились съ подобными взглядами различныхъ героевъ «Дяди Вани» и «Трехъ сестеръ»; теперь можно прибавить, что взгляды этотъ на современнаго человѣка, какъ на средство для благоденствія людей будущаго, высказывается даже Трофимовымъ, даже Ярцевымъ, тѣмъ самымъ Ярцевымъ, который такъ жадно хочетъ жить полной и цѣльной жизнью. Не успѣвъ еще этотъ Ярцевъ высказаться о своей жаднѣ жизни, какъ онъ высказываетъ уже самый недвусмысленный анти-индивидуализмъ: на жалобы Лаптева, что онъ не можетъ стать господиномъ жизни, что онъ не можетъ приспособиться къ ней, что, вѣроятно, жизнь возьметъ много жертвъ отъ выбивающихся, подобно ему, Лаптеву, на настоящую дорогу, что, вѣроятно, «много нашего брата ляжетъ костями»,—Ярцевъ равнодушно отвѣчаетъ: «все это хорошо, голубчикъ... Это только показываетъ лишній разъ, какъ богата разнообразная русская жизнь. Ахъ, какъ богата!..» (Продолженіе этой цитаты было приведено выше). Иными словами: мы поляжемъ костями, но зато мы послужимъ удобреніемъ для цвѣтушихъ всходовъ будущей жизни. Это, конечно, утѣшительно, но въ этотъ моментъ Ярцеву могла явиться тѣнь Ивана Карамазова и вознегодовать: «не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію»...

VIII.

Но все это только съ одной стороны. Съ другой — десница Чехова разрушаетъ то, что построила его шуйца, и этимъ проявляетъ весь глубокий этический индивидуа-

лизмъ, присущій Чехову; эта работа десницы идетъ все время параллельно работѣ пухицы. Еще въ «Дуэля» (1892 г.) Чеховъ достаточно опредѣленно высказался объ этической равноцѣнности личностей, о самоцѣльности личности. Жалкій восьмидесятникъ Лавевскій не вызываетъ въ насъ никакого сочувствія, но еще менѣе сочувствія испытываемъ мы по адресу прямолинейнаго дарвиниста, сухого и холоднаго фонъ-Корена, требующаго уничтоженія такихъ людей, какъ Лавевскій, для блага цѣлаго общества. Если бы государство или общество поручили ему уничтожить Лавевского, то у него «рука бы не дрогнула»... Сожительница Лавевского, Надежда Федоровна, — еще болѣе жалкій человекъ, но когда фонъ-Коренъ требуетъ принятія со стороны общества насильственныхъ мѣръ по отношенію къ подобнаго рода особамъ, въ родѣ отправленія «тапи militari» къ мужу, а если мужъ не приметъ, то въ исправительныя заведенія или каторжныя работы, — то ясно видны симпатіи Чехова въ словахъ добродушнаго и смѣшнаго Самойленко: «если людей топить и вѣшать, то къ чорту твою цивилизацію, къ чорту человечество! Къ чорту!» И конецъ разсказа, выдержанный въ тепломъ, примиряющемъ тонѣ, еще болѣе подчеркиваетъ, что именно такова основная мысль Чехова.

И эту мысль, что человекъ — цѣль, что человѣческая личность выше всего, Чеховъ высказывалъ неоднократно. Художникъ въ разсказѣ «Домъ съ мезониномъ» (1895 г.) считаетъ человека стоящимъ выше всего въ природѣ и жизни, выше авторитета, выше тайны, выше чуда: онъ сумѣлъ бы возразить на теорію Великаго Инквизитора... Онъ видитъ чудо во всемъ, что непонятно, но не покоряется чуду. «Къ явленіямъ, которыхъ я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь имъ. Я выше ихъ. Человекъ долженъ сознавать себя выше львовъ, тигровъ, звѣздъ, выше всего въ природѣ, даже выше того, что непонятно и кажется чудеснымъ, иначе онъ не человекъ, а мышь, которая всего боится»... Этотъ художникъ полутолстовецъ не является, конечно, выразителемъ мнѣній самого Чехова, который именно къ этому времени (1895 г.) и разошелся окончательно съ толстовствомъ; социальныя теоріи художника диаметрально расходятся со взглядами

самого Чехова (см. воспоминанія о Чеховѣ — Елпатьевскаго, Куприна, Сергѣенко и др.), но приведенная выше фраза, несомнѣнно, принадлежит не только дѣйствующему лицу разсказа, но и его автору: слишкомъ упорно повторяетъ Чеховъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ эту же мысль объ абсолютной высотѣ человѣческой личности. Иногда онъ высказываетъ эту мысль рядомъ съ другой основной мыслью — о счастьи грядущихъ поколѣній, и тогда этический индивидуализмъ беретъ у него верхъ надъ пигалевщиной.

Особенно характерны въ этомъ отношеніи заключительныя слова «неизвѣстнаго человѣка» изъ разсказа того же имени. «Я вѣрю,—говоритъ онъ,—слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣй; къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но, вѣдь, хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво... Я вѣрю и въ цѣлесообразность, и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему я? И во имя этого этического индивидуализма Чеховъ рѣзко осуждаетъ знакомыя намъ анти-индивидуалистическія теоріи восьмидесятыхъ годовъ; въ «Крыжовникѣ» это выражено особенно прямо и сильно, тамъ сведены послѣдніе счеты съ толстовствомъ, съ теоріей малыхъ дѣлъ и съ постепенствомъ. Человѣку не три аршина земли нужно,—заявляетъ Чеховъ устами Чимши-Гималайскаго,—а весь земной шаръ, вся природа, какъ арена и поприще для проявленія его свободного духа. И мало утѣшенія въ томъ, что будущія поколѣнія воспользуются дарами свободы: они нужны мнѣ, они нужны сейчасъ, они нужны всякой человѣческой личности. «Свобода есть благо, говорилъ я,—разсказываетъ Гималайскій,—безъ нея нельзя, какъ безъ воздуха, но надо подождать. Да, я говорилъ такъ (возможно, что въ восьмидесятыхъ годахъ такъ говорилъ и самъ Чеховъ), а теперь спрашиваю: во имя чего ждать?... во имя чего ждать, я васъ спрашиваю? Во имя какихъ соображеній? Мнѣ говорятъ, что не все сразу, всякая идея осуществляется въ жизни постепенно, въ свое время. Но кто это говоритъ? Гдѣ доказательства, что это справед-

ливо? Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность явленій, но есть ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человекъ, стою надъ ровомъ и жду, когда онъ зарастетъ самъ, или затянетъ его иломъ, въ то время, какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И, опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нѣтъ силъ жить, а между тѣмъ, жить нужно и хочется жить!»

Таковъ похоронный звонъ Чехова надъ идеалами эпохи общественнаго мѣщанства... *Requiescant in pace!* Но трудно не замѣтить, что этотъ похоронный звонъ еще въ большей степени относится къ шигалевскимъ идеаламъ Чехова, къ его восторгамъ передъ красотой жизни будущаго; своимъ яркимъ этическимъ индивидуализмомъ Чеховъ хоронитъ свою же плоско-позитивную вѣру въ прогрессъ: десница побѣждаетъ шуйцу.

Но эта побѣда не спасала Чехова отъ раздвоенія: онъ не могъ отказаться отъ своей вѣры въ прогрессъ, такъ какъ именно эта вѣра спасла его отъ абсолютнаго пессимизма первой половины его дѣятельности, отъ ужаса передъ мѣщанствомъ жизни; съ другой стороны, и самая эта вѣра его не удовлетворяла или удовлетворяла только отчасти, какъ это мы видѣли выше, а потому грустныя, пессимистическія ноты остались до конца преобладающими въ творчествѣ Чехова. Въ концѣ концовъ, онъ пришелъ къ сознанію, что человѣческая жизнь должна быть прекрасна не черезъ дѣвсти-триста лѣтъ, а теперь, немедленно же, — къ тому же сознанію, къ которому за полвѣка до него пришелъ Лермонтовъ. Однако, и Лермонтовъ, и Чеховъ этимъ признаніемъ не побѣдили своего ужаса передъ мѣщанствомъ жизни и не спаслись отъ своего раздвоенія; ихъ рѣшеніе оставалось абстрактнымъ и схематичнымъ.

Преемникъ Чехова, Максимъ Горькій, попытался придать этому абстрактному положенію плоть и кости и обозначить тѣ условія, которые теперь же, немедленно, могутъ сдѣлать жизнь красочной, сильной, яркой и красивой.
